

К открытию сезона в Свердловском театре музыкальной комедии

Портрет артиста

ГРАНИ ОДНОГО ТАЛАНТА

площения, но то, что он сделает в Жозефе из «Бородатых мальчиков», превзойдет все наши представления о нем.

Жозеф из «Бородатых мальчиков» — вторая «отрицательная роль» Духовного. Раньше был Борис в спектакле «Жили три студента». В нем он хотел подчеркнуть многогранность характера, оставляя мысль, что Борис еще исправится и найдет верный путь в жизни. А Жозеф — совсем другое. Очевидно, боязнь самоповторения, желание найти в себе иные, новые краски, остановили выбор актера на этой роли. Его Жозеф — фигура несколько гротескная, но этот гротеск рожден не только омерзением, страхом, но и ненавистью, желанием уничтожить это зло. Трудно поверить, что Ринальдо и Жозефа играет один человек.

не только омерзение, страх, но и ненависть, желание уничтожить это зло. Трудно поверить, что Ринальдо и Жозефа играет один человек.

В новом сезоне нам предстоит новые встречи с молодым артистом. И верится, что мы увидим еще неожиданные грани его таланта, что он раскроет еще не один яркий, индивидуальный, неповторимый образ.

На снимках В. ЗАСЫУКИНА: С. ДУХОВНЫЙ в роли Ринальдо и Жозефа.

В СЕ лето витрины театра музыкальной комедии занимали фотографии гастролирующих актеров. И вот несколько дней назад их сменили свои, привычные, обновленные, — театра музыкальной комедии. Фотографии — как весть о скором открытии сезона. И впервые рядом с именем С. Духовный — звание: заслуженный артист РСФСР. Популярность артиста рождается не вдруг, не с одной удачной работы, не одним театральным сезоном. Много лет плодотворного (потому что упорнейшего) труда — и тогда приходят известность, уважение, почет. А вместе с ними — возросшая ответственность. Вчера состоялось открытие сезона. И в первых программах сезона мы прочтем знакомые имена.

Московский критик Галина МАРЧЕНКО пишет работу о творчестве Семена Духовного. Отрывки из нее мы предлагаем сегодня вашему вниманию.

Мне хочется рассказать о «Черном Драконе». И потому, что Ринальдо — Черный Дракон — лучшая работа Духовного, и потому, что это вообще чудесный спектакль (режиссер В. Курочкин). Об этом спектакле уже написано множество хвалебных рецензий, почти всюду Ринальдо упоминается не иначе, как «героический образ». Еще больше: теперь, говоря о Духовном в связи с другими спектаклями, напоминают «...известный, как создатель героического образа Ринальдо». Против этого ничего нельзя возразить. Но дело в том, что Ринальдо этими своими качествами обязан прежде всего Духовному. Попробуем сделать то, что теперь себе трудно представить: а именно — отделим Ринальдо от Духовного, возьмем его драматургическую основу. И перед нами возникает образ традиционного для народных представлений благородного разбойника. Даже очаровательная, пылкая Ан-

желика, бредившая Гарибальди, никак не может уговорить Черного Дракона стать гарибальдийцем. Пожалуй, хитрый барон Розарно, используя честолюбие Ринальдо в своих попытках сделать его генералом Бурбонов, и то началу добивается больших успехов. И даже, после того, как все подчиненные

Черного Дракона (разбойники уже далеко не благородные) под предводительством Анжелики покидают его и спешат навстречу высадившемуся на остров Гарибальди, Черный Дракон, правда, произносит монолог о свободе, о гарибальдийцах, и все же отправляется «благородно» грабить. И только пойманый «на месте преступления» Анжеликой, потрясенный смертью Трепло, ставшего гарибальдийцем, окруженный волонтерами, он переходит к Гарибальди буквально за несколько минут до конца спектакля.

А вот Ринальдо — Духовный в спектакле. Он влезает в окно дома Анжелики, и мы знакомимся с ним. Густая шапка черных волос, ясная белозубая улыбка, живой, полный отваги, взгляд. Весь он подорванный, ловкий, жесты энергичные, умеренные. «Как только вы появились, я сразу поняла, что вы — это «Он», — говорит ему Анжелика. В этом спектакле Ринальдо и Духовный

удачно нашли друг друга. Так подходит для Ринальдо и яркая внешность южанина Духовного, его горячий, взрывчатый темперамент, страстность и искренность его таланта. Дарование и индивидуальность артиста обогащают образ. Вместе с тем Духовный встретился в Ринальдо с интересным драматургическим материалом (редкое счастье в оперетте!), к которому отнесся очень творчески. Во многом артист стремится произвести переоценку ценностей, придать некоторым поступкам Ринальдо иное толкование. А играет он его с таким горячим сердцем и любовью, что заражает нас, заставляет жить вместе с его героем.

Вот Ринальдо-Духовный среди своих разбойников. Какое покоряющее достоинство и уверенность! Откровенно и дружески беседует он с Трепло, в музыкальном дуэте «Замолчи замолчи» яростно спорит с Анжеликой, с упоением танцует темпераментную «пиццику». Поразительна

народность облика, народность характера. Он весь отсюда, из этой выжженной земли, синего неба, с этим земным «солнцем в крови».

По тому, как он небрежно бросил кошелек с деньгами, ясно, что не они сделали его разбойником, Черным Драконом его сделала жажда справедливости. Однако Духовный подчеркивает, что не из одних достоинств состоит Ринальдо. Сколько в нем неистребимого упрямства, наивного, почти детского честолюбия! Но удивительно, чем больше мы узнаем Ринальдо, тем больше понимаем, что не знаем о нем еще главного. Актер не ставит точек над «и», он будто загадывает загадку — кто же, в конце концов, его герой? И отвечает нам в монологе о свободе. Этот монолог — кульминация образа и спектакля, самая волнующая и захватывающая сцена. В нем то сокровенное, что несет Ринальдо, — это гимн свободе, которая «кипит в каждой

его жилке», «звенит в его голове».

Этот момент Ринальдо — весь порыв, весь — стремление к подвигу. Такое впечатление создается благодаря богатству интонаций, обостренности чувств, живой пульсации ритма. И хотя после монолога Ринальдо все же по-прежнему остается Черным Драконом, понятно, что теперь это лишь упрямство, от которого ему самому досаднее, чем нам. Понятно, что он ищет встречи с Анжеликой, что хочет быть с ней, с солдатами Гарибальди, но не знает, как это сделать лучше, чтоб не потерять при этом славу Черного Дракона. В Ринальдо-Духовном покоряет протест против обыденности, против той незримой капитуляции, когда жизнь уступает житейскому. Он — как символ вечного стремления человека к романтике, к свободе, к подвигу.

Кажется, что Духовный уже достаточно убедил нас в своем искусстве перево-